
Szacka B. Wprowadzenie do socjologii. – Warszawa: Oficyna Naukowa, 2003.

Szahaj A. E pluribus unum? Dylematy wielokulturowości i politycznej poprawności. – Kraków: Universitas, 2004

Sztompka P. Socjologia. – Kraków: Znak, 2002.

Załęcki P., Olechnicki K. Słownik Socjologiczny. – Toruń: Graffiti BC, 2004.

УДК 323.29.(477)

Умланд Андреас и Шеховцов Антон

**ПРАВОРАДИКАЛЬНАЯ ПАРТИЙНАЯ ПОЛИТИКА В
ПОСТСОВЕТСКОЙ УКРАИНЕ: ФЕНОМЕН ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ
МАРГИНАЛЬНОСТИ УКРАИНСКИХ УЛЬТРАНАЦИОНАЛИСТОВ В
1994-2009 гг.**

**Right-Radical Party Politics in Post-Soviet Ukraine and the Riddle of the
Electoral Marginality of the Ukrainian Ultra-Nationalists in 1994-2009**

The paper introduces one of the more surprising facets of the development of the post-Soviet nationalisms – the relative political impotence of the Ukrainian extreme right from Ukraine`s independence until today. While ultra-nationalist parties emerged already in the late Ukrainian Soviet Socialist Republic and developed further in the 1990s, none of them was able to enter independently the Verkhovna Rada and to form a parliamentary faction. We outline why this constitutes a relatively exceptional phenomenon, and sketch out a number of possible explanations for it.

„Что произошло с украинскими националистами?” — так Пол Кубичек озаглавил в 1999 году статью, в которой он попытался объяснить относительную незначительность радикальных националистических партий в политике Украины в 1990-х годах [55]. С тех пор мало что изменилось в отношении маргинальности ультранационалистических группировок в сегодняшнем киевском политикуме [27]. Украинский национализм, несомненно, существует и стал за прошедшие годы популярной темой в постсоветских СМИ. Однако политическая актуальность этого вопроса имеет, помимо реальных, часто виртуальные источники.

Действительно, неожиданная победа праворадикального Всеукраинского объединения „Свобода” под лидерством Олега Тягнибока на досрочных выборах в Тернопольской области была впечатляющей. На выборах, прошедших 15 марта 2009 года, „Свобода” заручилась

поддержкой 34,69% пришедших на избирательные участки, в то время как электоральный успех ближайшего конкурента ультранационалистов, пропрезидентского „Единого центра”, составил лишь 14,2% голосов. В результате крайне правые получили в тернопольском облсовете 50 из 120 мест, а президиум совета возглавил член партии „Свобода” Алексей Кайда. Тем не менее, общенациональное значение этого, безусловно, важного успеха организации Олега Тягнибока пока что остается неясным [30]. Уровень участия избирателей Тернопольской области на этих выборах был низким. Ряд значимых украинских политиков непрезидентского „оранжевого” лагеря, например, Юлия Тимошенко, Арсений Яценюк и Анатолий Гриценко, не принимали активного участия в предвыборной кампании [58].

Как бы там не было, главным источником сегодняшней „популярности” темы украинского национализма в постсоветских СМИ является то явление, которое влиятельный киевский еженедельник „Український тиждень” охарактеризовал как медийную „гитлеризацию” украинской политики [6]. Под этим выражением подразумевается манипуляция потоком информации из Украины в (про)российских СМИ с целью создания негативного образа украинских властей с помощью (а) раскрутки малозначительных случаев, таких как продажа тайваньских кукол Гитлера в одном украинском магазине, (б) упрощения сложных исторических процессов, например, действий бойцов Украинской повстанческой армии (УПА) во время и после Второй Мировой войны, или (в) создания искусственных скандалов, как, например, клевета на умершего отца Президента Украины, бывшего узника концлагеря Флоссенбург Андрея Ющенко, в одной русскоязычной книге, написанной мифическим „еврейским историком” под именем „Юрий Вильнер” и изданной в несуществующем „пакистанском издательстве” [39]. Несмотря на эти и другие медиа-кампании отдельных российских СМИ (иногда успешные и в Западной Европе), прямо или косвенно инициированные российским политическим истеблишментом, Украина представляет особый случай в восточном и даже общеевропейском контексте как раз в обратном смысле.

В данной статье мы предлагаем (1) обратить внимание на „аномальность” электоральной слабости радикально этноцентристских украинских партий со сравнительной точки зрения, (2) кратко рассмотреть историю развития праворадикальной политической сцены Украины последних пятнадцати лет и (3) представить некоторые гипотезы относительно возможных интерпретаций маргинальности украинского ультранационализма на национальном уровне. Окончательный ответ на вопрос о причинах неуспешности украинских правых радикалов на

парламентских выборах 1994, 1998, 2002, 2006 и 2007 гг. остается за пределами нашего исследования.

Украина как „дважды аномальный” случай посткоммунистической политики

Украина уже имеет хорошую репутацию среди политологов и исследователей новейшей мировой истории. В 2004 году украинцы удивили весь мир тем, что они без единого выстрела успешно провели многодневную акцию массового гражданского неповиновения, ставшую известной под названием „оранжевая революция” [42]. Примечательно, что современная Украина — после недавних относительных неудач новых волн демократизации в Киргизстане и Грузии — остается единственной из бывших республик Советского Союза формата 1922 года, которая все еще движется в направлении демократии [26]. Правда, можно было бы указать на то, что не вся сегодняшняя Украина входила в СССР уже с 1922 года. В этом смысле сегодняшняя Западная Украина принадлежит скорее к центрально-, нежели к восточноевропейскому контексту, и в чем то более похожа на прибалтийские страны, чем на другие бывшие советские республики. Однако, большинство наиболее важных действующих лиц «оранжевой революции» родом не из Галиции, Закарпатья, Волыни или Буковины, а из центральной или восточной Украины, как, например, Виктор Ющенко (Сумская область), Юлия Тимошенко (Днепропетровск) или Александр Мороз (Киевская область). Второй „оранжевый” премьер-министр Украины Юрий Ехануров — бурят, родившийся в Сибири. Таким образом, „буржуазные” традиции межвоенного периода тогда еще несоветской Украины сыграли, в отличие от первой демократической волны 1989-1991 гг., исходившей действительно из Западной Украины, только относительную роль в событиях 2004 года. Иными словами, „оранжевая революция” остается неким исключением в постсоветском мире [3].

Тогда как эти факты хорошо известны, другая, не менее удивительная особенность постсоветской Украины осталась практически незамеченной в международной политической науке: в украинском парламенте уже на протяжении многих лет отсутствуют ультранационалистические фракции. Почему такое положение дел радует, но не является само собой разумеющимся, иллюстрируют политические ландшафты сравнимых с Украиной других государств Восточной Европы. Будь-то славянские государства, такие как Польша или Словакия, которые уже несколько лет состоят членами Европейского Союза (ЕС), или новые члены ЕС, такие как Болгария и Румыния, которые так же, как и Украина принадлежат к православной традиции, или же развивающиеся отдельно от остальной Европы православно-славянские „братья” Украины Сербия и Россия — в

большинстве частично или полностью плюралистических государств постсоциалистической Европы радикальные националистические группировки стали неотъемлемыми участниками общественного дискурса и политической жизни своих стран [32]. Это выражается, в первую очередь, в относительном успехе крайне правых на парламентских и президентских выборах. Политическая значимость посткоммунистического ультранационализма также проявляется в не всегда постоянном, но, тем не менее, заметном присутствии различных праворадикальных или правопопулистских фракций в восточноевропейских законодательных органах национального или федерального уровней, а в последнее время и в Парламентской ассамблее Совета Европы или Европейском Парламенте ЕС.

Правый радикализм в Восточной и Западной Европе

Со сравнительной точки зрения эти восточноевропейские феномены не удивительны. Немецкие политологи Эрвин К. Шойх и Ханс Дитер Клингеманн в часто цитируемой статье 1967 года определили правый радикализм как «нормальную патологию» западных индустриальных обществ [46]. В настоящее время крайне правые партии существуют во всех европейских странах и во многих являются постоянными участниками политических процессов [35]. Конечно, не все крайне правые партии обладают всегда высокой поддержкой со стороны общества. Неофашистские и правэкстремистские партии функционируют на периферии политической жизни и зачастую подвергаются юридическому и силовому давлению со стороны государства, что затрудняет и даже лишает их возможности участвовать в избирательных процессах. В то же время многим новым праворадикальным партиям на территории ЕС удалось модернизировать свою идеологию и адаптироваться к современной политической обстановке, которая характеризуется устойчивой приверженностью европейских государств либерально-демократическим формам общественно-политического устройства.

Идеологические основы большинства новых праворадикальных партий Западной, а также и Восточной Европы представляют собой гибрид явно антидемократических и более или менее эффективных псевдodemократических концепций [57]. С одной стороны, эти партии выступают за сохранение, реализацию и воспроизводство этнически и/или этнокультурно однородного типа общества, что противоречит идеям мультикультурализма, прав человека (а не нации) и политического равенства, лежащих в основе послевоенных европейских политических режимов. Но, с другой стороны, они публично настаивают на своей лояльности ключевым демократическим ценностям — принципу конституционализма и институту свободных выборов. Пользуясь тем, что

сегодняшняя либеральная демократия не способна полностью разрешить все проблемы, возникающие в условиях глобализации и постиндустриализации, новые праворадикальные партии используют политические, экономические и социальные противоречия, свойственные современным европейским государствам, в целях нарушения общественного консенсуса в отношении основных принципов демократического устройства общества. На этом фоне относительная политическая релевантность ультранационализма в постоянно трансформирующихся сегодняшних капиталистических обществах выглядит, в определённом смысле, „естественной”.

Если такая „нормальная патология” характерна для высокоразвитых, стабильных и относительно старых демократий Запада – насколько „более нормально” тогда наличие ультранационалистических фракций в парламентах, потрясенных глубокими кризисами переходных постсоциалистических государств с их бедными плюралистическими традициями, нестабильными политическими институтами, многочисленными экономическими проблемами и неразвитым гражданским обществом? Как обществоведческая теория, так и гражданская интуиция подсказывают, что в результате стрессовых ситуаций, которые пришлось пережить жителям Восточной Европы в 1990-х годах, популярность таких одиозных политических фигур, как Воислав Шешель (Сербская радикальная партия), Вадим Тудор (Партия Великой Румынии), Владимир Жириновский (Либерально-демократическая партия России) или Волен Сидеров (болгарский Национальный союз „Атака”) – не удивительна. Не особенно изумляет на этом фоне и то, что в Словакии и Польше праворадикальные партии Словацкая национальная партия и „Лига польских семей” временно входили в правительственные коалиции.

В Западной Европе весомый электоральный успех политических партий данного типа также не является исключением — достаточно вспомнить устойчивую избирательскую поддержку таких правых радикалов, как Жан-Мари Ле-Пен (французский Национальный фронт), ныне покойный Йорг Хайдер (Австрийская партия свободы, Альянс за будущее Австрии) или Джанфранко Фини (Национальный альянс). Отсутствие правопопулистских или – радикальных фракций в национальных законодательных органах некоторых европейских государств, например, Германии и Великобритании, скорее является исключением и определяется особыми общественно-политическими и историческими традициями этих стран. В частности, в Соединенном Королевстве мажоритарная избирательная система создаёт препятствия для всех небольших партий, включая крайне правые. А в ФРГ важным

общественным фактором очевидно является политика т.н. *Vergangenheitsbewältigung* („преодоление прошлого”) и идея *wehrhafte Demokratie* („воинствующая демократия”), которые включают множество мер государства и целенаправленные действия немецких элит, обращённые против любых попыток германских националистов возвратиться в парламентскую политику или общественный дискурс федерального уровня. После Второй мировой войны в Германии сложилась особая политическая культура раскаяния, благодаря которой правый радикализм маргинализирован в стране в большей степени, чем в иных европейских государствах [45]. Кроме этих системных факторов, необходимо отметить то, что сегодняшние основные крайне правые партии Великобритании и Германии, т.е. Британская национальная партия и Национал-демократическая партия Германии, выделяются, на фоне западноевропейских „коллег”, своими особенно экстремистскими взглядами и откровенно неонацистскими прошлым [52].

На этом фоне политические ландшафты многих восточноевропейских государств представляются даже относительно благоприятными [44]. Вопреки глубоким социокультурным кризисам, которые переживали эти страны в 1990-х годах, и сохранившемся вплоть до сегодняшнего дня значительно более низкому уровню жизни, избирательская поддержка праворадикальных и правоэкстремистских партий и политиков в Восточной Европе в последние годы лишь незначительно превышает электоральные успехи подобных партий в Западной Европе. А что же произошло с украинскими ультранационалистами?

Украинский правый радикализм в 1990-х годах

Неудивительно, что в период существования Советского Союза украинский радикальный национализм занимал маргинальное положение в украинском обществе [50]. Большинство деятелей Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА) находились в вынужденной эмиграции [56], а в самой УССР любые попытки восстановления правого радикализма даже на уровне субкультур или небольших групп пресекался КГБ и МВД. Это заметно отличалось от положения русского национализма в сталинский и брежневский периоды истории СССР, когда определённые, закамуфлированные русофильские идеи в той или иной форме были интегрированы в политическую систему и культурную жизнь советской империи [47].

Только в годы Перестройки деятельность силовых структур стала менее репрессивной, в результате чего еще до распада Советского Союза в УССР – как и чуть ранее в РСФСР – появились первые откровенно праворадикальные организации. В 1990 году во Львове была образована одна из наиболее известных националистических партий – Украинская

национальная ассамблея (УНА), которую возглавил Дмитрий Корчинский. В 1991 году УНА провела скандальное факельное шествие по улицам Львова, а во время августовского путча руководство УНА приняло решение о создании военного крыла партии для противостояния ГКЧП – Украинской национальной самообороны (УНСО) – формирования, в которое входили члены УНА, находившиеся на службе Советской армии. Изначальные функции УНСО оказались невостребованными, т.к. путч ГКЧП был подавлен про-демократическими силами в самой России. Однако у организации появились новые „задачи”, и с 1992 по 1994 гг. члены УНА-УНСО принимали участие в военных конфликтах в Приднестровье (против Молдавии), Грузии (против абхазских сепаратистов) и Чеченской республике (против российских федеральных войск) [43].

В самой Украине УНА-УНСО стала заметным медийным явлением не в последнюю очередь благодаря своим целенаправленным провокациям, направленным против левых и пророссийских сил, а также из-за своих частых столкновений с милицией. Но в политической сфере деятельность УНА была малоуспешной. В 1994 году партия провела в Верховную Раду лишь одного депутата по одномандатному округу. Более того, в 1995 году – из-за своих агрессивных акций – партия была лишена официальной регистрации, однако в 1997 году УНА вновь получила статус политической партии [11]. Перед выборами 1998 года из руководства партии вышел ряд наиболее радикальных политиков, включая Дмитрия Корчинского, но данная „чистка” партии не отразилась на ее электоральном имидже. По результатам выборов 1998 года, когда половина депутатов Верховной Рады избиралась по пропорциональной системе с 4-процентным электоральным порогом, а половина – по мажоритарной. УНА получила лишь 0,39% голосов и не провела в парламент ни одного депутата по одномандатным округам [15].

Второй наиболее известной праворадикальной партией, возникшей в начале 1990-х годов, был Конгресс украинских националистов (КУН) – прямой наследник ОУН-Б, которую в 1940 году возглавил Степан Бандера после раскола в изначальной ОУН. Преемственность ОУН-Б и КУН была обеспечена вернувшейся из эмиграции Ярославой Стецко, бывшего члена ОУН-Б и вдовы Ярослава Стецко, одного из лидеров ОУН-Б и УПА [51]. В 1994 году пять членов партии были избраны в Верховную Раду в мажоритарных округах, а по результатам досрочных выборов 1997 года лидер КУН Стецко также стала депутатом украинского парламента [40].

Почтенный возраст членов КУН стал одной из проблем организации. Партия оказалась неспособной ни к идеологической, ни к организационной модернизации, необходимость которой стала все более

актуальной на фоне стремительной трансформации постсоветского украинского общества. В 1998 году – с частичным введением системы голосования по партийным спискам – партия отказалась самостоятельно принимать участие в выборах по пропорциональной системе. Перед выборами 1998 года был создан предвыборный блок «Национальный фронт», в который вошел КУН, а также Украинская консервативная республиканская партия (Степан Хмара) и Украинская республиканская партия (Богдан Ярошинский). На выборах блок, однако, заручился поддержкой только 2,71% украинских избирателей – и таким образом не прошел в Верховную Раду. Наибольшую поддержку „Национальный фронт” получил в Ивано-Франковской (23,75%), Тернопольской (20,86%) и Львовской областях (9,72%), а наименьшую – в юго-восточной части страны, где электоральные результаты блока не превысили 1%. Тем не менее, КУН удалось провести в парламент троих депутатов по одномандатным округам, и Ярослава Стецко, будучи старейшим депутатом Верховной Рады III созыва, открыла первое заседание парламента.

Третьей, изначально такой же маргинальной, но, как выяснилось позже, самой значимой украинской праворадикальной партией 1990-х годов была Социал-национальная партия Украины (СНПУ) [31]. Она была создана в 1991 году во Львове Ярославом Андрушковым, Андреем Парубием и Олегом Тягнибоком, который до 1994 года также был председателем львовского Студенческого братства [36]. СНПУ, по словам одного из обозревателей, была создана, в том числе, „на основе общественной организации ветеранов Афганистана” [22]. Другой комментатор указывает на то, что СНПУ „возникла в результате объединения наиболее радикальных элементов националистического движения Львовщины [36]. Скелет партии составляли члены и руководители Львовской стражи Руха, а также Организации украинской молодежи „Наследие”” [48]. Два года спустя организация стала скандально известна благодаря своим заявлениям о начале формирования „народных отрядов” для блокирования железных дорог, саботажа нефтегазовых труб и линий энергоснабжения. „Осенью 1993 года во Львове был создан Чрезвычайный Комитет Спасения Нации и Государства (ЧКСНГ). В него вместе с „консерваторами” и СНПУ вошло Студенческое братство, в котором к тому времени верховодили национал-радикалы. Из числа членов Студенческого братства были созданы „народные охранные отряды”” [33]. Члены „народных отрядов”, одетые в черную униформу (не в последнюю очередь, в целях отличия от бойцов УНА-УНСО, носивших военный камуфляж), устроили массовые беспорядки перед зданием Верховной Рады. „По возвращению во Львов

„охранные отряды” не были расформированы, а влились в СНПУ. В стороне этих событий осталось Студенческое братство Университета „Львовская политехника”, которое отказалось принимать участие в ЧКСНГ. Оценивая эти события, СУС (Союз Украинского Студенчества) исключил из своих рядов Студенческое братство Львова. В дальнейшем, многих бывших братчиков можно было видеть на собрании СНПУ” [33].

Примечательно, что из представленных здесь украинских националистических партий СНПУ меньше всех скрывала свою принадлежность к неонацистским организациям. Ее официальным символом был несколько модифицированный „волчий крюк” (нем.: *Wolfsangel*), который использовался германской дивизией СС „*Das Reich*” (Империя) и голландской дивизией СС „*Landstorm Nederland*” (Земельная дружина Нидерландов) во время Второй Мировой войны, а также рядом европейских неонацистских организаций после 1945 года [33]. В трактовке руководства СНПУ „волчий крюк” стал „идеей нации”. К тому же официальное название идеологии партии – „социал-национализм” – явно отсылало к „национал-социализму” – официальному названию идеологии НСДАП и гитлеровского режима. Политическая программа СНПУ также отличалась своим откровенно революционным ультра национализмом, требовала насильственного захвата власти в стране и обвиняла Россию во всех бедах Украины. Более того, СНПУ была первой относительно крупной партией, которая стала привлекать на свою сторону наци-скинхедов и футбольных хулиганов. Но в политической сфере ее поддержка в 1990-х годах осталась незначительной. В 1998 году СНПУ вошла – вместе с Всеукраинским политическим объединением „Государственная независимость Украины” – в праворадикальный избирательный блок „Меньше слов”, который получил на выборах лишь 0,16% голосов, причем ни в одной области его электоральные результаты не превысили 1% голосов. Несмотря на провал блока на общенациональном уровне, один из лидеров СНПУ, Олег Тягнибок, был избран в Верховную Раду по одномандатному округу во Львове.

Временным успехом завершились выборы 1998 года для несколько другой радикальной организации – Прогрессивной социалистической партии Украины (ПСПУ) под руководством Натальи Витренко. ПСПУ обычно считается „радикально-левой”, однако такое определение, с нашей точки зрения, может считаться легитимным только при описании экономических, но гораздо в меньшей степени – политических доктринальных установок партии. Партия Витренко характеризуется приверженностью идее радикального панславистского национализма с ярко выраженным про-российским и откровенно антизападным уклоном. В связи с этим нам представляется оправданным считать партию

Витренко скорее право- чем леворадикальной. Такое определение подтверждается тем, что ПСПУ в начале 2000-х годов стала тесно сотрудничать с руководителем Международного „Евразийского движения”, наиболее влиятельным неонацистским теоретиком России Александром Дугиным, а также с лидером российской ультранационалистической Партии Национального возрождения „Народная воля”, некогда известным депутатом Верховного Совета РСФСР и Госдумы РФ Сергеем Бабуриным. Праворадикальная направленность и Дугина, и Бабурина не вызывает сомнений [5]. Тем не менее, многие избиратели „прогрессивных социалистов”, по всей видимости, голосовали за ПСПУ по причине симпатий к социалистическим моделям экономики (таким образом, принимая название партии всерьёз) и, возможно, ностальгии по советскому прошлому, которое Витренко в значительной мере идеализирует. Кроме того, ПСПУ зачастую мобилизует электорат – особенно на Востоке Украины и в Крыму – недовольный „насилованной украинизацией”. Таким образом, ниже изложенные успехи организации Витренко можно лишь частично воспринимать как исключение из представленного здесь правила последних 15 лет.

На парламентских выборах 1998 года ПСПУ заручилась поддержкой 4,04% избирателей и тем самым преодолела тогдашний четырехпроцентный барьер, а двое членов партии были избраны в Верховную Раду по одномандатным округам. Наибольшие результаты партия получила в Сумской (20,89%) и Харьковской областях (10,08%), наименьшие – в западных регионах Украины (Тернопольская, Ивано-Франковская и Львовская области), а также, как ни странно, в Севастополе, где избирательская поддержка ПСПУ не превысила 1%. В первом раунде президентских выборов 1999 года Наталья Витренко получила 10,97% и заняла четвертое место, достигнув, по-видимому, апогея своей политической карьеры.

Украинский правый радикализм в 2000-х годах: поиски стратегии развития

В течение 1990-х годов ни одной праворадикальной партии, кроме ПСПУ, не удалось заручиться достаточной поддержкой избирателей для создания в Верховной Раде собственной фракции [34]. Перед правыми радикалами встал вопрос о дальнейшем существовании, и большинство из них инициировало поиск стратегий развития.

Разочаровавшись в участии в маргинальных избирательных блоках, КУН принял решение войти в 2002 году в блок партий „Наша Украина”, объединившихся вокруг бывшего премьер-министра Виктора Ющенко, начавшего свое политическое восхождение в 2001 году во время кампании

„Украина без Кучмы”. Сотрудничество с „Нашей Украиной” дало возможность КУН провести в Раду трех депутатов в 2002 и 2006 годах. Однако в 2007 году – в преддверии внеочередных парламентских выборов – ставший к тому времени непопулярный лидер партии и временный глава госкорпорации „Нафтогаз” Алексей Ивченко был исключен из избирательного списка „Нашей Украины”. Позднее КУН вообще отказался от участия в выборах.

В свою очередь, ПСПУ видимо решила воспользоваться относительной популярностью своего лидера и инициировала создание „Блока Наталии Витренко” (БНВ), в рамках которого к ПСПУ присоединилась Партия просвещенцев Украины. Тем не менее, на выборах 2002 года блок получил только 3,22% голосов и уже не смог, как ПСПУ в 1998 г., преодолеть четырехпроцентный барьер. Кроме того, партия не провела в Раду ни одного депутата по одномандатным округам. В 2006 году, когда электоральный порог был снижен до 3%, а одномандатные округа ликвидированы, ПСПУ создало вместе с Партией „Русско-Украинский Союз (РУСЬ)” избирательное объединение „Блок Наталии Витренко „Народная оппозиция””. Но и этот альянс не вошел в парламент, так как он набрал лишь 2,93% голосов, не преодолев тем самым даже трехпроцентный барьер. На выборах 2007 года ПСПУ участвовала вне блоков, и ее электоральные результаты оказались еще менее утешительными – 1,32%.

После поражения УНА на выборах 2002 года, когда она ни в одной области не смогла набрать более 0,09%, партия также предприняла попытку создания избирательного блока. Потенциальным партнером УНА стала Украинская консервативная партия (УКП). Данная политическая организация была создана в 2005 году работниками Межрегиональной академии управления персоналом (МАУП) – ВУЗа с откровенно антисемитской администрацией. МАУП представляет собой крупный частный университет с филиалами в нескольких украинских городах, предположительно получает финансовую поддержку из арабского мира и выпускает антисемитский журнал под названием „Персонал”, а также книжную серию с тем же названием [8]. Руководители МАУП, входящие в УКП, – прежде всего, Георгий Щекин, Василий Яременко, Юрий Шилов и Николай Головатый – выступают авторами конспирологических памфлетов (которые соседствуют на книжных прилавках Украины с работами других украинских псевдо-историков – Эдуарда Ходоса, Игоря Каганца и Юрия Каныгина [41], равно как и с более старой украинской юдофобской и современной российской расистской литературой [28]). Переговоры о создании предвыборного блока УНА и УКП окончились, однако, неудачно, в результате чего обе партии пошли на выборы 2006

года отдельно, получив 0,06% и 0,09% голосов соответственно. В выборах 2007 года эти партии не участвовали.

Как выяснилось позже, наиболее эффективную стратегию развития выбрала вышеупомянутая СНПУ. Партия не участвовала в выборах 2002 года, но в 2004 году провела съезд, на котором произошло внешнее обновление, т.е. изменение публичного имиджа, организации. Во-первых, СНПУ отказалась от двусмысленного названия и была переименована во Всеукраинское объединение „Свобода”. Во-вторых, партия изменила свой официальный символ. Неофашистский „волчий крюк” был заменен на стилизованный трезубец, составленный из трех пальцев правой руки. В-третьих, лидером организации стал Олег Тягнибок, который заработал авторитет в партии благодаря своим двум депутатским срокам. Такое освежение официального облика партии – при сохранении основных идеологических принципов – видимо дало возможность „Свободе” дистанцироваться в глазах общественности от своего неофашистского прошлого и одновременно сохранить поддержку радикальных националистов.

В 2005 году „Свобода”, так же, как и УНА, пыталась создать предвыборный альянс с УКП Г. Щекина. Для участия в предполагаемом „блоке правоконсервативных партий” приглашались такие партии, как Народный Рух Украины (Борис Тарасюк), Украинская народная партия (Юрий Костенко), Всеукраинское объединение „Батьківщина” (Юлия Тимошенко), УРПС и КУН. Несмотря на активную работу по созданию „правоконсервативного блока” в 2005 году, он остался нереализованным проектом, в результате чего „Свобода” участвовала в следующих парламентских выборах как самостоятельная сила.

Успех партии на выборах Верховной Рады 2006 и 2007 годов, 0,36% и 0,76% соответственно, напоминали об уровне поддержки, который другие ультранационалистические организации достигали в общенациональных выборах. Тем не менее, динамика этих результатов уже указывала на то, что партия становится единственной праворадикальной организацией, которая демонстрирует пусть пока незначительный, но всё же стабильный рост популярности. Упомянутая в начале статьи убедительная победа партии Тягнибока весной 2009 года на выборах в Тернопольский областной совет продолжила данную тенденцию.

Таблица 1. Электоральные результаты (%) украинских крайне правых партий и блоков на парламентских выборах в период с 1998 по 2007 гг.

Партия/блок	„Националь	„Меньше	УНА	ПСПУ/„БН	ВО
Год выборов					
1998	2,71	0,16	0,39	4,04	—
2002	—	—	0,04	3,22	—
2006	—	—	0,06	2,93	0,36
2007	—	—	—	1,32	0,76

Аномальная слабость украинских крайне правых

Несмотря на недавние региональные успехи „Свободы”, другие упомянутые явления, а также нередкое участие радикалов вроде Натальи Витренко, Дмитрия Корчинского и Олега Тягнибока в общественных дебатах Украины на национальном уровне, правый радикализм в Украине на данный момент остается – в сравнительном измерении – удивительно маргинальной силой на национальном уровне. Принимая во внимание тот факт, что националистические взгляды пользуются одобрением, по меньшей мере, некоторой части украинского населения, электоральная недееспособность организованного украинского радикального этноцентризма, с сопоставительной точки зрения, поразительна. Если не рассматривать лево-популистскую и зачастую оппортунистическую Коммунистическую партию Украины (КПУ) как полноценный элемент радикального политического спектра, то можно сделать вывод, что с 1994 по 2007 гг. только один раз одна крайне антидемократическая партия – ПСПУ в 1998 году – избиралась в Верховную Раду как самостоятельная организация по пропорциональному принципу.

Даже если включить в спектр радикальных политических сил КПУ, которая входила в состав правительств Виктора Януковича и Михаила Азарова, общая картина сегодняшнего политического потенциала такого рода сил изменится лишь незначительно. Глава КПУ Петр Симоненко получил на президентских выборах 2004 года 4,97%, а его партия на выборах в Верховную Раду заручилась поддержкой 3,66% избирателей в 2006 году и 5,39% – в 2007 году. Кроме того, коммунистические партии государств бывшего Советского Союза могут рассматриваться как специфически постсоциалистические консервативные избирательные клубы пенсионеров. Их мировоззрение и общественный имидж скорее ориентированы на ностальгию по советскому прошлому, чем на альтернативные сценарии будущего. Кроме того, популизм Симоненко

выглядит менее агрессивным, чем антисемитские выходки, реверансы в сторону немецкой „консервативной революции” или геополитические спекуляции, которые все чаще звучат в декларациях руководителей Коммунистической партии Российской Федерации, которую по этой причине, наверное, и стоит классифицировать как скорее крайне правую, чем радикально левую политическую силу [60].

Стоит отметить, тем не менее, что в различных созывах Верховной Рады имелся целый ряд политиков, которых можно было бы обвинить в националистическом прошлом или в недавних политически некорректных высказываниях. К таким депутатам можно отнести сторонников „Блока Юлии Тимошенко” (БЮТ) Андрея Шкиля (бывший член УНА) или Левко Лукьяненко (лидер предвыборного списка „Национального фронта” в 1998 году), нынешних членов „Нашей Украины” Андрея Парубия (бывший член СНПУ) и Романа Зварыча (бывший член ОУН-Р и КУН) или лидера „Народной Самообороны” Юрия Луценко, который известен своими расистскими высказываниями [18]. Однако, в качестве депутатов парламента, эти личности в основном действовали или изолированно, или в контексте неэкстремистских фракций. Некоторые из названных деятелей, к тому же, приспособились к господствующей политической корректности и даже превратились, как, например, Шкиль, в незаурядных либеральных демократов и – отчасти демонстративно – толерантных политических собеседников.

Также не имеет значительных последствий то, что в Верховной Раде представлены несамостоятельные националистические группы, входящие в блоки „Наша Украина – Народная самооборона” (НУНС) или БЮТ. Например, интегрированные в НУНС мелкие националистические группировки принципиально не меняют в целом демократическую линию руководства этого блока. К тому же можно упомянуть, что в демократических системах интеграция политически пограничных элементов является одной из функций центристских партий. В крупных народных партиях Запада также присутствуют политики, высказывания которых находятся на краю, а иногда и за пределами политической корректности. Такие высказывания поддерживаются антилиберальными группами избирателей, привлечение которых к центристским партиям помогает отстранить антидемократические организации от политического процесса. Однако пользу от этой функции можно извлекать только до тех пор, пока идеология радикальных секций внутри больших народных партий не имеет возможность воздействовать на воззрения, высказывания и поведение руководства этих партий. Подобную патологию современных демократий можно было в последнее время наблюдать, например, в росте влияния американских евангелических фундаменталистов внутри

Республиканской партии на Белый дом в Вашингтоне [53] или в недавних попытках Ющенко возвысить до уровня национальных героев некоторых украинских коллаборационистов Третьего Рейха с сомнительными политическими воззрениями и не до конца выясненными военными биографиями [9]. Но все же, несмотря на эти тенденции, которые наталкиваются на сопротивление значительной части украинского общества, сегодняшние патриотически ориентированные правящие партии Украины в наиболее существенных вопросах продолжают поддерживать либерально-демократический общественный строй. Тем самым они скорее ограничивают, нежели повышают влияние своих радикальных националистических элементов. Когда, например, перед парламентскими выборами 2007 года КУН – одна из относительно значимых националистических группировок внутри „Нашей Украины” – вышел из состава блока, это фактически не имело никакого политического значения для публичного профиля НУНС и, по всей видимости, не было даже замечено большинством избирателей.

Такое положение дел резко контрастирует с ситуацией в Российской Федерации, с которой Украина все еще часто сравнивается по причине исторических и культурных связей между двумя странами. В украинском парламенте не только нет ни одного эквивалента агрессивному антизападничеству и национализму, которые до недавних пор представлял в Думе блок Дмитрия Рогозина „Родина” и которые по-прежнему представлены в российском парламенте „либерал-демократами” Владимира Жириновского и национал-коммунистами Геннадия Зюганова. Также в последнее время произошел очевидный сдвиг политического центра России вправо. Ряд экстравагантных идей о российской и мировой политике, которые в 1990-х годах представляли только политически маргинальные группы, сегодня являются общим местом для российского политического мейнстрима [4]. Это касается, в первую очередь, оценки Запада (в частности, США и НАТО), но также и интерпретации политических изменений в странах бывшего Советского Союза, например, теории о тайных заговорах для объяснения „оранжевой революции” в Украине и „революций роз” и „тюльпанов” в Грузии и Киргизстане [37].

Пожалуй, отчётливее всего видно различие между Украиной и Россией в отношении количества и степени агрессивности неонацистских активистов в этих двух постсоветских государствах. Если, по мнению одного из ведущих специалистов по восточнославянскому правому экстремизму Вячеслава Лихачева, численность наци-скинхедов в Украине в 2008 году не превышала 2000 человек [17] то в России – согласно Галине Кожевниковой из Центра „Сова” – речь тогда шла о примерно 20-35 тысячах [38]. По другим данным количество российских скинхедов уже

в 2006 году превышало 60 тысяч [2] а в 2008 году, возможно, достигло 70 человек [20]. Даже если учесть, что численность населения России превышает количество граждан Украины в более чем три раза, разница в числе скинхедов в обеих странах остается существенной.

Подобное различие касается и числа насильственных актов с явно расистской мотивацией. Например, в Украине в 2008 году было зарегистрировано 83 случая подобных нападений, из них 4 со смертельным исходом [10]. Эти цифры, разумеется, высоки – но только если не сравнивать их с соответствующими показателями в России. Московский Информационно-аналитический центр „Сова” зарегистрировал в России за тот же период, т.е. за 2008 год, 434 раненых и 97 убитых в результате нападений ультранационалистов [12]. Схожую картину можно наблюдать и в более длительной перспективе (см. таблицу 2).

Таблица 2. Сравнение статистики правозэкстремистского насилия в России и Украине 2006-2008 гг.

	2006	2007	2008	Итого
Россия				
- избитые/ раненые (Центр «Сова»)	522	605	434	<u>1561</u>
- убитые (Центр «Сова»)	66	85	97	<u>248</u>
Украина				
- нападения (ВААД/Лихачёв)	12	81	79	<u>172</u>
- убитые (ВААД/Лихачёв)	2	6	4	<u>12</u>

Источники: <http://xeno.sova-center.ru/files/xeno/stat-eng-09-04-15.doc>;
Вячеслав Лихачев. Ксенофобия в Украине – 2008: Доклад по результатам мониторинга. – Киев, 2009. – С. 35 [7].

На основании таких тенденции одна исследовательница русского неонацизма уже в конце 2005 года говорила о „необъявленной войне против иных” в России [21].

Украина как образец для подражания?

Почему именно украинские избиратели и элиты в последние 15 лет почти полностью исключили организованный ультранационализм из законодательного процесса на национальном уровне и тем самым представляют собой пример, достойный подражания не только в Восточной, но и в Западной Европе — вопрос, на который трудно дать однозначный ответ и который недостаточно исследован. Ни дефекты

националистического партийного спектра Украины, ни некая, иногда упоминаемая, особая толерантность украинцев не подходят в качестве всеобъемлющих объяснений. Деятельность украинских праворадикальных групп действительно характеризовалась самообструкцией и саморазрушением вследствие внутренних противоречий и конфликтов между страдающими манией величия лидерами. Однако подобные черты характеризуют крайне правые политические партии стран всего мира, многие из которых, тем не менее, рано или поздно успешно преодолевают проблемы коллективного взаимодействия, формируют более или менее успешные – с точки зрения электоральных результатов – политические организации и/или альянсы и, таким образом, становятся не просто депутатами, но членами праворадикальных фракции в парламентах или ассамблеях своих стран, ОБСЕ, Совета Европы и ЕС.

По похожим причинам стоит отклонить другие актор-центричные объяснения слабости ультранационалистической партийной политики. Один комментатор, например, недавно предложил следующую интерпретацию: „После всплеска активности в 1991 году деятельность националистических партий и организаций пошла на убыль. В результате все 90-е годы многие праворадикальные партии металась от огульной оппозиционности, когда Левко Лукьяненко отказался поддерживать Вячеслава Чорновила на президентских выборах в 1991 году, до всецелой провластности, когда Павло Дорожинский, лидер ОУН в Украине, поддержал выходца из КГБ Евгения Марчука на президентских выборах 1999, а все националисты вместе взятые агитировали за Леонида Кравчука и Леонида Кучму во втором туре президентских выборов 1994 и 1999 годов соответственно. Из-за этой растерянности сегодня диаспорные и диссидентские партии, по сути, сошли с политической арены, растворившись в „Нашей Украине” и БЮТ [16]”. Однако, поведение многих партий – не только крайних и не только в Украине – характеризуется оппортунизмом, нелогичностью и тактическими соображениями. Явной, однозначной связи между политической подвижностью или идеологической непоследовательностью партийных деятелей и их политическим провалом не наблюдается.

Поэтому рассмотрим подробнее несколько структур-центричных интерпретаций маргинальности украинских правых радикалов.

Во-первых, отсутствие значимых электоральных успехов украинских ультранационалистов обусловлено тем, что национализм, как политическое движение, в Украине является, как отмечает среди других Тарас Кузьо, пост-колониальным и в понимании национал-патриотов – освободительным [59]. Поэтому поздние- и постсоветские украинские патриотические установки часто шли в связке с отдельными

либеральными и демократическими идеями. Это отличает мейнстрим украинского национализма, например, от русского имперского национализма, который часто сливается с радикально антилиберальными идеями – например, с евразийством (как у Сергея Бабурина), коммунизмом (как у Геннадия Зюганова), расизмом (как у бывшего депутата Госдумы от блока „Родина” Андрея Савельева) или фашизмом (как у Александра Дугина) – и, таким образом, превращается в радикально антидемократическую идеологию. Однако национально-освободительные концепции, которые были присущи и национал-демократам, и праворадикалам Украины в 1980-х годах, утратили свою актуальность после восстановления независимости Украины в 1991 году. Долгие годы крайне правые Украины страдали от дефицита общественно релевантных идей: они оказались не в состоянии предложить своим потенциальным избирателям новых лозунгов, помимо „рециклирования” явной или завуалированной русофобской и антисемитской риторики. К тому же, несмотря на то, что украинские правые радикалы сохраняли в своих доктринах отдельные либеральные положения, они не могли конкурировать с теми политическими силами, для которых демократические идеи были главенствующими, по крайней мере, на уровне публичных заявлений и политических программ. Этим, возможно, отчасти объясняется маргинальность украинских ультранационалистических партий, на фоне того, что, согласно данным опросов общественного мнения, распространение отдельных ксенофобских установок среди украинского населения высоко, а в текущем десятилетии даже выросло [24]. В этом отношении Украина едва ли отличается (или отличается скорее в негативную сторону) от других государств переходного периода.

Во-вторых, очевидным фактором, уменьшающим шансы украинских ультранационалистов является культурное разделение страны на центрально-западную и юго-восточную части, т.е. на два исторически сложившихся крупных региона, в которых украинская нация и ее интересы определяются различным образом и которые представляют собой, вследствие различного уровня влияния как про-российских местных, так и собственно российских СМИ, обособленные информационные пространства. „Свобода” Тягнибока имеет значительное представительство в нескольких региональных и городских советах Западной Украины, в то время как ПСПУ Витренко – в Восточной и Южной Украине. Однако, несмотря на свою существенную региональную поддержку, как отмечено выше, ни одна из указанных партий сегодня не входит в Верховную Раду.

Но все же, и это объяснение отсутствия праворадикальной парламентской фракции – будь она панславистской/евразийской или же узко этноцентристской — является недостаточным ввиду низких электоральных порогов прохождения в Раду с момента частичного введения пропорциональной системы голосования: 4% с 1998 по 2005 гг. и 3% – с 2006 года. Относительно незначительный ограничительный барьер мог бы позволить даже небольшим партиям с регионально сконцентрированным избирательным потенциалом получить парламентское представительство, тем более что при нынешнем трехпроцентном барьере стратегическое электоральное поведение – т.е. целенаправленное голосование за наиболее „проходные”, а не за самые „симпатичные” партии – не играет большой роли.

В-третьих, политическая маргинальность украинских правых радикалов на общеукраинском уровне обусловлена низкой степенью этнической поляризации между двумя самыми большими этносами Украины. Несмотря на несомненно существующие культурные различия между украинцами и русскими, проживающими в Украине, оба этнокультурных сообщества все же являются родственными восточнославянскими народами. По крайней мере, в этом, по всей видимости, убеждены многие простые граждане центральной, восточной и южной Украины. Согласно опросам общественного мнения, „прорусскость” этих демографически значимых регионов Украины выражается в том, что их население намного больше „любит” русских, чем граждане РФ – украинцев [13]. Опросы 2009 года также показали, что большинство украинцев более уважительно относятся к российскому лидеру Владимиру Путину, чем к Виктору Ющенко, бывшему Президенту Украины. (Можно добавить, что в России, в свою очередь, Ющенко не уважают, высмеивают или ненавидят и что мнение российской общественности о третьем Президенте Украины ближе к ее чувствам в отношении Джорджа Буша младшего, а иногда и Адольфа Гитлера, чем к тому уважению, которые россияне испытывают к собственному Президенту Дмитрию Медведеву). Инструментализация русофобии украинскими националистами остается ограниченной пределами демографически малозначимой Западной Украины и националистически настроенной интеллигенции.

В-четвертых, говоря о причинах неудач украинских радикалов, нельзя не отметить тот факт, что в течение 1990-х гг. в Украине происходил процесс относительной гомогенизации населения, т.е. сокращения общин „этнических меньшинств” за счет их эмиграции и ассимиляции. В результате этих – равно как и других – процессов удельный вес „самопровозглашенных” украинцев среди жителей государства

увеличился [14]. Больше всех сократилась еврейская община, что, не в последнюю очередь, было обусловлено распространенными антисемитскими настроениями в украинском обществе [49]. Таким образом, в настоящее время ксенофобия по отношению к евреям часто становится „антисемитизмом без евреев” – общественная патология, которая наблюдается и во многих других послевоенных европейских государствах. В рамках этой особенно странной разновидности ксенофобии видимое наличие евреев, как объекта ненависти, – второстепенно, так как данный тип национальной предвзятости направлен против мифологизированного образа евреев как „идеи”. Несмотря на такие одиозные тенденции, заметное сокращение еврейской общины в Украине все же явно „мешает” правым радикалам эффективно мобилизовывать электорат на почве антисемитизма.

В-пятых, некоторые обозреватели считают, что свою роль в маргинализации украинских крайне правых играет и сильная поляризация украинской политики, и структуризация конфликтов вокруг противостояния между условными „национал-демократическими” и „про-российскими” политическими силами, которые с 2004 года получили „цветные” имена – „оранжевые” и „бело-голубые”. Более того, с 2007 года в Украине наблюдается и поляризация внутри „оранжевого” лагеря. В условиях перманентных и чрезвычайно напряжённых политических конфликтов между умеренными партиями, у крайне правых остается мало политического пространства для действий. На фоне драматических публичных конфликтов между представителями политического мейнстрима, экстремистская риторика ультранационалистов выглядит менее выразительной, чем острые взаимные обвинения центристских лагерей.

Нарисованную здесь относительно положительную картину Украины нужно в любом случае дополнить, по крайней мере, одним примечанием, которое мы ранее затрагивали. Согласно данным авторитетного социолога Украины – недавно умершей Натальи Паниной, которая специализировалась на теме межэтнических отношений – существуют корреляции между сильной прозападной установкой западных украинцев и молодого поколения украинского населения в целом, с одной стороны, и степенью приемлемости ксенофобских представлений – с другой [23]. Те регионы и социальные группы, которые обычно считаются самыми „про-европейскими”, парадоксальным образом, находятся сегодня дальше от некоторых базовых европейских ценностей послевоенного периода, нежели „про-российски” настроенные восточные регионы. Например, электорат Ющенко является значительно более антисемитским, нежели электорат Януковича. При этом нужно добавить, что, главным фактором

здесь, возможно, является не столько регион как таковой, сколько более сельский характер Западной Украины и городской – Восточной (в других странах жители села также часто настроены более этноцентристски, нежели горожане). Как бы там не было, широкое распространение ксенофобских стереотипов среди молодежи является плохим предзнаменованием.

Более того, если в 1990-х гг. Украина демонстрировала – если не считать таких культурно близких групп как русские или белорусы – сравнительно низкий уровень этнической разнородности, то сейчас ситуация меняется. В начале 2000-х гг. – вместе с возобновлением роста украинской экономики, прерванным, впрочем, в 2008-2010 годах вследствие мирового финансового кризиса – начались более активные миграционные процессы в Украину: стали прибывать все бóльшие группы „нетрадиционных мигрантов” из Китая, Вьетнама, Пакистана и Афганистана. Иммиграция из стран, находящихся за пределами бывшего СССР, и появление совершенно новых, в ультранационалистическом понимании, „враждебных этнических объектов”, в будущем может стать основой электоральной мобилизации украинских крайне правых, как на Западе, так и на Востоке страны. Несложно предположить, что быстро набирающая вес „Свобода” Тягнибока является наиболее вероятной силой, которая может оказаться в выигрыше в такой ситуации [29]. Кроме того, вследствие продолжающейся нестабильности политической ситуации, у избирателей может сложиться впечатление, что умеренные партии – несмотря на политическую поляризацию – не только мало отличаются друг от друга, но и не способны решить насущные экономические проблемы страны. Исследования европейских праворадикальных партий показывают, что подобные общественные настроения часто вели к росту электоральной поддержки крайне правых, позиционирующих себя как анти-системные политические силы, критически относящиеся ко всем представителям политического мейнстрима. В виду таких обстоятельств нам представляется возможным, что если Украина сохранит свой низкий трехпроцентный барьер для прохождения партий и блоков в парламент, после следующих парламентских выборов произойдет печальная „европеизация” состава Верховной Рады.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авторы благодарны Кириллу Галушко (Киев) и двум анонимным рецензентам „Ab Imperio” за их ценные комментарии к первому варианту статьи, как и Илье Герасимову за эффективное сотрудничество.

Ответственность за оставшиеся ошибки и ложные интерпретации в тексте, однако, несем мы одни.

2. Александр Тарасов. Меняющиеся скинхеды: Опыт наблюдения за субкультурой // Дружба народов. – 2006. – № 11. <http://magazines.russ.ru/druzhba/2006/11/tal1.html>. Последнее посещение 21 декабря 2009 г.; Richard Arnold. „Thugs with Guns”: Disaggregating „Ethnic Violence” in the Russian Federation // Nationalities Papers. 2009. – Vol. 37. – № 5. – Pp. 641-664.

3. Андреас Умланд. „Оранжевая революция” как постсоветский водораздел: Демократический прорыв в Украине, реставрационный импульс в России // Континент. – 2009. – № 142. <http://magazines.russ.ru/continent/2009/142/um16.html>. Последнее посещение 10 марта 2010 г.; Andreas Umland. Orange Revolution als Scheideweg: Demokratisierungsschub in der Ukraine, Restaurationsimpuls in Russland // Osteuropa. – 2009. – Vol. 59. – № 11. Pp. 109-120; idem. Die ukrainische Protodemokratie im zeitgeschichtlichen Kontext // Ukraine-Analysen, 2010. – №. 67. – Pp. 16-19. <http://www.laender-analysen.de/ukraine/pdf/UkraineAnalysen67>. Последнее посещение 10 марта 2010 г.

4. Андреас Умланд. Расцвет русского ультранационализма и становление сообщества его исследователей // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2009. – Т. 6. – №. 1. – С. 5-38, <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/docs/forumruss11/1UmlandVvedenie.pdf>. Последнее посещение 21 декабря 2009 г. В этой статье указано большинство значимых библиографий и ресурсов касающихся научной литературы по теме современного русского национализма.

5. Андреас Умланд. Фашистский друг Витренко // Украинская правда, 2006. – 26 сентября. <http://www.pravda.com.ua/ru/news/2006/9/27/46953.htm>. Последнее посещение 21 декабря 2009 г.; он же. Александр Дугин, европейский фашизм и Витренко: Что общего? // Украинская правда, 2007. – 20 июля. <http://www.pravda.com.ua/news/2007/7/20/61687.htm>. Последнее посещение 21 декабря 2009 г. Подробнее о фашизме Дугина: Антон Шеховцов. Палингенетический проект неоевразийства: идеи возрождения в мировоззрении Александра Дугина // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2009. – Т. 6. – № 2. – С. 125-126. <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/docs/forumruss12/7Shekhovtsov.pdf>. Последнее посещение 24 марта 2010 г.; Андреас Умланд. Патологические тенденции в русском „неоевразийстве”: О значении взлета Александра Дугина для общественной жизни современной России // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2009. – Т. 6. – № 2. – С. 127-141. <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/docs/forumruss12/8Umland%20Pathol>. Последнее посещение 24 марта 2010 г.

6. Андрій Лаврик. ... плюс гітлеризація всієї країни // Український тиждень, 2008. – № 18-19(27-28). – С. 22-23. <http://www.ut.net.ua/art/166/0/800/>. Последнее посещение 21 декабря 2009 г. См., например: Георгий Крючков, Дмитрий Табачник. Фашизм в Украине: угроза или реальность? Харьков, 2008;

Бандеризация Украины – главная угроза для России / Сост. Юрий Козлов. Москва, 2008.

7. Антисемитизм, ксенофобия и права национальных меньшинств в Украине: хроника. Электронный информационный бюллетень / Под ред. Вячеслава Лихачева. 2007-2009. №№ 1-23. <http://www.vaadua.org/news.htm>. Последнее посещение 21 декабря 2009 г.; Stefanie Schiffer, Tetiana Katsbert, Sabine Roßmann. Hate Crime in der Ukraine: Opfergruppen und Beratungsangebote zivilgesellschaftlicher Akteure. Berlin, 2010. http://www.european-exchange.org/fileadmin/user_upload/Hate_Crime_EVZ/Hate_Crime_Ukraine_2010_DE Последнее посещение 29 марта 2010.

8. В сентябре 2005 года в МАУП получил научную степень кандидата исторических наук известный американский расист и бывший лидер Ку-клукс-клана Дэвид Дьюк.

9. Владислав Гриневич. Расколота память: Вторая мировая война в историческом сознании украинского общества // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3. С. 218-227; Wilfried Jilge. The Politics of History and the Second World War in Post-Communist Ukraine (1986/1991-2004/2005) // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. – 2006. – Vol. 54. – № 1. – Pp. 50-81; Bohdan Harasymiw. Memoirs of the Second World War in Recent Ukrainian Election Campaigns // Journal of Ukrainian Studies. – 2007. – Vol. 32. – № 1. – Pp. 97-108; Андрей Портнов. Упражнение с историей по-украински (Заметки об исторических сюжетах общественно-политических дебатов в постсоветской Украине) // Ab Imperio. – 2007. – № 3. – С. 93-138; David R. Marples. Heroes and Villains: Creating National History in Contemporary Ukraine. Budapest/New York, 2007; Wilfried Jilge. Nationalukrainischer Befreiungskampf: Die Umwertung des Zweiten Weltkrieges in der Ukraine // Osteuropa, 2008. – Vol. 58. – № 6. – Pp. 167-186; Per Anders Rudling. The Shukhevych Cult in Ukraine: Myth Making with Complications. В печати.

10. Вячеслав Лихачев. Ксенофобия в Украине – 2008: Доклад по результатам мониторинга. Киев, 2009. – С. 35.

11. Галина Бендза. УНА-УНСО: Нове обличчя? // Студії політологічного центру Генеза, 1997. – № 1. – С. 48-51.

12. Галина Кожевникова. Радикальный национализм в России и противодействие ему в 2008 году / Под ред. А. Верховского // Национализм и ксенофобия. 2009. 19 февраля. <http://xeno.sova-center.ru/29481C8/C84DCA7>. Последнее посещение 21 декабря 2009 г.

13. Дмитрий Тымчук. Мы их любим, они нас – нет // Украинская правда. 2009. 7 мая <http://www.pravda.com.ua/rus/articles/4b1ab20e7a74e/>. Последнее посещение 21 декабря 2009 г.; Ирина Кириченко, Владимир Паниотто. Россия – Украина: Идеологическая перезагрузка? // Зеркало недели, 2010. – № 8(788). – С. 4.

14. Единственным исключением, является рост общины крымских татар, обусловлены политикой репатриации, направленной на возвращение в Крым представителей ранее репрессированного народа. Подробнее об

этническом составе населения Украины см. Всеукраинскую перепись населения 2001 года. <http://www.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/>. Последнее посещение 21 декабря 2009 г.

15. Здесь и далее электоральные результаты партий и блоков цитируются по официальной базе данных Центральной избирательной комиссии Украины. <http://www.cvk.gov.ua>. Последнее посещение 24 мая 2009 г.

16. Игорь Лавриненко. Диффузия наци // Эксперт: Украинский деловой журнал. – 2009. – № 28(220). <http://www.expert.ua/articles/8/0/7041/>. Последнее посещение 21 декабря 2009 г.

17. Личная коммуникация с В. Лихачевым.

18. Мнение: Министр-ксенофоб // Корреспондент.net., 2008. – 24 июля. <http://korrespondent.net/opinions/532>. Последнее посещение 24 мая 2009 г.

19. Мнение: Министр-ксенофоб // Корреспондент.net., 2008. – 24 июля. <http://korrespondent.net/opinions/532867>. Последнее посещение 24 мая 2009 г.

20. Московское бюро по правам человека утверждает, что в сегодняшней России относят себя к скинхедам до 70 000 человек. Это практически столько же, сколько в Северной Америке и Европе, вместе взятых. См.: Павел Седаков, Константин Гаазе, Артем Вернидуб, Александр Раскин. Разжигание межнациональной розни // Русский Newsweek, 2008. – 17 марта. <http://www.runewsweek.ru/country/877/>. Последнее посещение 21 декабря 2009 г.

21. Наталия Пулина. „Хулиганский” расизм: В России идет необъявленная война против иных // Информационно-аналитическое агентство МиК. – 2005. – 28 декабря. <http://www.iamik.ru/?op=full&what=content&i=25215>. Последнее посещение 21 декабря 2009 г.

22. Наталья Бабанина. Иллюзия „Свободы” // Эксперт: Украинский деловой журнал, 2009. – № 28(220). <http://www.expert.ua/articles/8/0/7041/>. Последнее посещение 21 декабря 2009 г.

23. Наталья Панина. Факторы национальной идентичности, толерантности, ксенофобии и антисемитизма в современной Украине. См. также: Kerstin Zimmer, Femke van Praagh. Fremdenfeindlichkeit in der Ukraine // Ukraine-Analysen, 2008. – № 41. – Pp. 2-5.

24. Наталя Панина. Факторы национальной идентичности, толерантности, ксенофобии и антисемитизма в современной Украине // Вестник общественного мнения, 2006. – № 1. – С. 26-38.

25. Некоторые из ниже развитых аргументов мы ранее представляли в статьях: Anton Shekhovtsov. By Cross and Sword: „Clerical Fascism” in Interwar Western Ukraine // Totalitarian Movements and Political Religions, 2007. – Vol. 8. – № 2. – Pp. 271-285; Андреас Умланд. Крайне слабые // Корреспондент, 2008. – 21 июня. – С. 34. <http://korrespondent.net/opinions/497561> (последнее посещение 24 мая 2009 г.); Andreas Umland. Die andere Anomalie der Ukraine: ein Parlament ohne rechtsradikale Fraktionen // Ukraine-Analysen, 2008. – № 41. – Pp. 7-10. <http://www.laender-analysen.de/ukraine/pdf/UkraineAnalysen41.pdf> (последнее посещение 24 мая 2009 г.); Anton Shekhovtsov. The Creeping Resurgence of the

Ukrainian Radical Right? The Case of the Freedom Party // *Europe-Asia Studies*, 2010. – Vol. 62. В печати.

26. По крайней мере, по данным американской неправительственной организации Freedom House эффекты „революции роз” и „тюльпанов” на политические системы Грузии и Кыргызстана оказались менее глубокими, чем демократический импульс „оранжевой революции” в Украине. См.: Table 9. *Democracy Score: Year-To-Year Summaries by Region // Nations in Transit 2009 / Ed. Freedom House. Washington, 2009.*

27. Под родовым понятием „ультранационализм” мы понимаем антилиберальные, анти-просвещенческие формы национализма, характеризующиеся этнокультурным эксклюзивизмом и акцентирующие внимание на „правах нации” (в отличие от либерального акцента на правах человека). Ультранационализм отвергает мультикультурализм и интернационализм, настаивая на органическом понимании нации, определяемой в этнокультурных – а иногда и расистских – терминах. В современной политике ультранационализм проявляется в качестве идеологии или элемента идеологии праворадикальных, правоэкстремистских и неонацистских движений, организаций и партий. Об ультранационализме в Европе см. примечание 13.

28. Подробнее о МАУП и антисемитизме в Украине см.: Вячеслав Лихачев. Антисемитизм в Украине (2002–2004гг.). <http://www.vaadua.org/Antisemit/AntisLyh.htm>. Последнее посещение 21 декабря 2009 г.; он же. Антисемитизм в Украине (2004–2005). <http://www.vaadua.org/News/05-05/AntismUALikh.htm>. Последнее посещение 21 декабря 2009 г.; Владимир Миндлин. Обзор антисемитских публикаций и проявлений в Украине (2004 год). <http://www.vaadua.org/News/05-05/Mindlin.htm>; Иосиф Зисельс. „Антисемитские” заметки, или Новые песни о старом. <http://www.vaadua.org/Antisemit/AntisJosef.htm>; Семен Авербух. Новый антисемитизм в Украине. Киев, 2005; Вячеслав Лихачев. Антисемитизм в Украине, 2005–2006. <http://www.vaadua.org/News/04-06/02-04-06.htm>. Последнее посещение 21 декабря 2009 г.; он же. Проявления антисемитизма в Украине: итоги 2007 г. <http://www.vaadua.org/News/01-2008/Ukr-2007.html>. Последнее посещение 21 декабря 2009 г.; Nadine Epstein. The Mysterious Tale of a Ukrainian University’s Anti-Semitic Crusade // *Moment: Jewish Politics – Culture – Religion*. 2009. November/December. <http://www.momentmag.com/Exclusive/2009/2009-12/200912-MAUP.html>. Последнее посещение 21 декабря 2009 г.; Per Anders Rudling. The Extreme Right in Ukraine // *European Right-Wing Extremism: Nature, Identity, Mobilizing Passions. Volume I / Ed. Emmanuel Godin, Brian Jenkins, and Andrea Mammone. New York and Oxford. . В печати.*

29. Сергій Руденко. Один у полі // *Український тиждень*. 2009. № 50(111). С. 16-19. <http://www.ut.net.ua/art/167/0/3353/>; Олег Бардяк. Виборці Тягнибока на Сході та Півдні країни – хто вони // *Український тиждень*. 2009. № 50(111). С. 16. <http://www.ut.net.ua/art/167/0/3356/>; Тарас Березовець. Le Pen a

la Ukrainienne // Український тиждень, 2009. – № 50(111). – С. 20. <http://www.ut.net.ua/art/167/0/3355/>. Последнее посещение 21 декабря 2009 г.

30. Ситуацию не проясняют и результаты первого тура президентских выборов 2010 года: Тягнибок получил в Тернопольской области только 4,89% голосов, что контрастирует с результатами областных выборов 2009 года. Однако в данном случае вряд ли можно говорить о резком падении рейтинга „Свободы” в Тернопольской области в свете очевидных различий между избирательскими стратегиями на президентских и парламентских выборах местного и национального значения.

31. СНПУ получила официальный статус политической партии лишь в 1995 году.

32. Среди тех немногих европейских стран, которые, наоборот, повторяют украинский опыт – Латвия и Эстония. См.: Danes Auers, Andres Kasekamp. Explaining the Electoral Failure of Extreme Right Parties in Estonia and Latvia // Journal of Contemporary European Studies, 2009. – Vol. 17. – № 2. – Pp. 241-254. Здесь также можно выделить Белоруссию – близкого, с исторической и этнокультурной точки зрения, соседа Украины. Однако в Белоруссии политическое пространство ещё больше ограничено, чем в России, и уже несколько лет не позволяет развиваться не только радикальным партиям, но и политической оппозиции в целом. В подавляющем большинстве значимые оппозиционные силы Белоруссии преследуют либеральную, а не антилиберальную (как в случае с праворадикальными партиями) повестку дня. Близкую географически Молдову мы здесь не упомянули, так как она является на сегодняшний день „несостоявшимся государством” („failed state”). См.: Fund for Peace: Молдова признана самой „нестабильной страной” в Европе // Press Обозрение. 2010. 25 февраля. <http://press.try.md/item.php?id=110971>. Последнее посещение 10 марта 2010 г.

33. Стрешнев. Партия „Свобода”: „Арийцы” на марше. Часть первая.

34. Существовавшая в середине девяностых националистическая группа депутатов „Державність” по разным причинам не выполняет критерий, чтобы рассматриваться здесь как полноценная парламентская фракция представляющую правых радикалов в Верховной Раде.

35. Существует широкий ряд исследований, посвященных современным праворадикальным партиям в Европе. См., например: Hans-Georg Betz. Radical Right-Wing Populism in Western Europe. New York, 1994; Herbert Kitschelt with Anthony McGann. The Radical Right in Western Europe: A Comparative Analysis. Ann Arbor, 1995; Michael Minkenberg. Die neue radikale Rechte im Vergleich: USA, Frankreich, Deutschland. Opladen, 1998; Pierro Ignazi. Extreme Right Parties in Western Europe. Oxford, 2003; Elisabeth L. Carter. The Extreme Right in Western Europe: Success or Failure? Manchester, 2005; Terri E. Givens. Voting Radical Right in Western Europe. New York, 2005; Pippa Norris. Radical Right: Voters and Parties in the Electoral Market. New York, 2005; Michelle Hale Williams. The Impact of Radical Right-Wing Parties in West European

Democracies. New York, 2006; Cas Mudde. Populist Radical Right Parties in Europe. Cambridge, 2007; Paul Hainsworth. The Extreme Right in Western Europe. Abingdon/New York, 2008. К сожалению, подавляющее большинство исследований игнорирует восточноевропейские страны. Исключением в выше представленном списке является лишь монография Каса Мудде.

36. Тимур Стрешнев. Партия „Свобода”: „Арийцы” на марше. Часть вторая // Украина криминальная. 2006. 17 января. http://www.cripo.com.ua/index.php?sect_id=1&aid=13326. Последнее посещение 21 декабря 2009 г.

37. Умланд. „Оранжевая революция” как постсоветский водораздел; Umland. Orange Revolution als Scheideweg.

38. Цит. по: Галина Мурсалиева, Павел Каньгин. Как считать скинхедов? По головам! // Новая газета. 2008. 10 апреля. <http://www.novayagazeta.ru/data/2008/25/25.html>. Последнее посещение 21 декабря 2009 г.

39. Юрий Вильнер. Андрей Ющенко: персонаж и «легенда». [Место издания неизвестно], 2007. Первые цифры номера ISBN, указанного в книге, свидетельствуют о том, что книга была издана в Пакистане. Однако сам номер не проходит проверку контрольной суммы, что наводит на мысль о фальсификации ISBN.

40. Ярослава Стецко не принимала участие в выборах 1994 года из-за отсутствия украинского паспорта.

41. Adrian Ivakhiv. In Search of Deeper Identities: Neo-Paganism and "Native Faith" in Contemporary Ukraine // Nova Religio: The Journal of Alternative and Emergent Religions, 2005. – Vol. 8. – № 3. – Pp. 7-38; Кирило Галушко. Битий шлях археології до нацизму, або які „теорії” ми обговорюємо // Новітні міфи та фальшивки про проходження українців / Под ред. Юлії Олійник. Київ, 2008. – С. 11-28.

42. Andreas Umland. Introduction to *Aspects of the Orange Revolution I-VI: Ukraine's Second Transition in the Russian Mirror* // *Aspects of the Orange Revolution I: Democratization and Elections in Post-Communist Ukraine* / Ed. Paul D'Anieri, Taras Kuzio. Stuttgart/Hannover, 2007. – Pp. 7-16.

43. Andrew McGregor. Radical Ukrainian Nationalism and the War in Chechnya // North Caucasus Analysis. 1999. – Vol. 7. – № 13. [http://www.jamestown.org/single/?no_cache=1&tx_ttnews\[tt_news\]=319](http://www.jamestown.org/single/?no_cache=1&tx_ttnews[tt_news]=319) Последнее посещение 24 мая 2009 г.

44. Cas Mudde. Warum ist der Rechtsradikalismus in Osteuropa so schwach? // *Osteuropa*. 2002. Большая часть как украинской, так и российской (частично псевдо-) аналитической литературы по теме статьи является в той или иной степени тенденциозной. Поэтому в своих изложениях мы полагаемся в основном на западные исследования, в том числе: Taras Kuzio. Radical Nationalist Parties and Movements in Contemporary Ukraine before and after Independence: The Right and its Politics, 1989-1994 // *Nationalities Papers*, 1997. – Vol. 25. – № 2. – Pp. 211-242; Liudmila Dymerskaya-Tsigelman, Leonid Finberg.

Antisemitism of the Ukrainian Radical Nationalists: Ideology and Policy // Analysis of Current Trends in Antisemitism. 1999. – № 14. – 32 pp.; Roman Solchanyk. The Radical Right in Ukraine // The Radical Right in Central and Eastern Europe Since 1989 / Ed. Sabrina Ramet. University Park, 1999. – Pp. 279-296, 357-358; Per Anders Rudling. Organized Antisemitism in Contemporary Ukraine: Structure, Influence and Ideology // Canadian Slavonic Papers. 2006. Nos. 1-2. Pp. 81-119. Об истории украинского национализма см.: Alexander J. Motyl. Turn to the Right: The Ideological Origins of Ukrainian Nationalism, 1919-1929. New York, 1980; Kenneth Farmer. Ukrainian Nationalism in the Post-Stalin Era: Myths, Symbols and Ideology in Soviet Nationality Policy. The Hague, 1980; John A. Armstrong. Ukrainian Nationalism. Littleton, 1980 & Englewood, 1990; Andrew Wilson. Ukrainian Nationalism: A Minority Faith. Cambridge, 1997, а также ниже упомянутые публикации. – Vol. 52. – Pp. 626-630.

45. David Art. The Politics of the Nazi Past in Germany and Austria. New York, 2006.

46. Erwin K. Scheuch, Hans Dieter Klingemann. Theorie des Rechtsradikalismus in westlichen Industriegesellschaften // Hamburger Jahrbuch für Wirtschafts- und Sozialpolitik. 1967. – Vol. 12. – Pp. 11-29.

47. Frederick C. Barghoorn. Soviet Russian Nationalism. New York, 1956; David L. Brandenberger. National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931-1956. Cambridge, MA, 2002; Александр Янов. Русская идея и 2000-й год. New York, 1988; Yitzhak M. Brudny. Reinventing Russia: Russian Nationalism and the Soviet State. Cambridge, MA, 1998; Николай Митрохин. Русская партия: Движение русских националистов в СССР 1953-1985 годы. Москва, 2003.

48. <http://www.spadshchyna.org/news.php>. Последнее посещение 21 декабря 2009 г.

49. Jeffrey Burds. Ethnic Conflict and Minority Refugee Flight from Post-Soviet Ukraine, 1991–2001 // The International Journal of Human Rights. 2008. Vol. 12. – № 5. – Pp. 689–723.

50. Julian Birch. The Ukrainian Nationalist Movement in the U.S.S.R. since 1956. London, 1971.

51. Karel C. Berkhoff, Marco Carynnyk. The Organization of Ukrainian Nationalists and Its Attitude toward Germans and Jews: Iaroslav Stets'ko's 1941 *Zhyttiepys* // Harvard Ukrainian Studies. 1999. Vol. 23. No. 3/4. Pp. 149-184.

52. Matthew J. Goodwin. New British Fascism: The Rise of the British National Party (BNP). London, 2010; Die NPD: Erfolgsbedingungen einer rechtsextremistischen Partei / Ed. Uwe Backes, Henrik Steglich. Baden-Baden, 2007.

53. Michael Minkenberg. Die neue radikale Rechte im Vergleich: USA, Frankreich, Deutschland. Opladen, 1998.

54. Michael Minkenberg. Die neue radikale Rechte im Vergleich: USA, Frankreich, Deutschland. Opladen, 1998.

55. Paul Kubicek. What Happened to the Nationalists in Ukraine? // Nationalism and Ethnic Politics, 1999. – Vol. 5. – № 1. – Pp. 29-45; idem. Dynamics

of Contemporary Ukrainian Nationalism: Empire Breaking to State Building // Canadian Review of Studies in Nationalism, 1996. – Vol. 23. – № 1-2. – Pp. 39-50.

56. Per Anders Rudling. Theory and Practice: Historical Representation of the War Time Activities of OUN-UPA (the Organization of Ukrainian Nationalists – the Ukrainian Insurgent Army) // East European Jewish Affairs. 2006. Vol. 36. No. 2. Pp. 163-189; Franziska Bruder. "Den ukrainischen Staat erkämpfen oder sterben!" Die Organisation Ukrainischer Nationalisten (OUN) 1929-1948. Berlin, 2007.

57. Roger Griffin. Interregnum or Endgame? The Radical Right in the "Post-Fascist" Era // Journal of Political Ideologies, 2000. – Vol. 5. – № 2. – P. 173.

58. Taras Kuzio. Populist-Nationalists in Ukraine // Ukraine Analyst, 2009. – Vol. 1. – № 16. – Pp. 1-4.

59. Taras Kuzio. Theoretical and Comparative Perspectives on Nationalism: New Directions in Cross-Cultural and Post-Communist Studies. Stuttgart/Hannover, 2007.

60. Veljko Vujčić. Gennady Zyuganov and the "Third Road" // Post-Soviet Affairs, 1996. – Vol. 12. – № 2. – Pp. 118-154; Joan Barth Urban, Valerii Solovei. Russia's Communists at the Crossroads. Boulder, CO: Westview Press, 1997; Николай Ряботяжев, Эдуард Соловьёв. От Ленина к Данилевскому: метаморфозы геополитических воззрений КПРФ // Политические исследования, 2007. – № 2. – С. 124-136. Об антисемитизме в руководстве КПРФ см.: Вячеслав Лихачев. Политический антисемитизм в современной России. Москва: Academia, 2003. – С. 18-25.